

Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа»¹

А. В. Венков

Аннотация. Предлагаемая статья является развернутой рецензией на монографию Н. Н. Лысенко «Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования», вышедшую в г. Ростове-на-Дону в 2017 г. Автор рассматривает исследуемую Н. Н. Лысенко проблему по темам и главам книги. В статье сделан акцент на искусственности и натянутости ряда выводов, неверный проблемный посыл и наслоенные вокруг него зачастую искусственные противоречия, указывается, что автор монографии, используя интересные и, безусловно, подлинные документы и материалы, предельно политизировал монографию, что сказалось на ее научности.

Ключевые слова: казаки, репрессии, великорусы, украинцы, геноцид, «голодомор».

Венков Андрей Вадимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества Южного научного центра РАН, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41; профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42, andrey_venk@rambler.ru.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Genocide, Holodomor and Other Horrors in the History of the “Cossack people”

A.V. Venkov

Abstract. The proposed article is a detailed review of the monograph N.N. Lysenko “Genocide of Cossacks in Soviet Russia and the USSR: 1918–1933. The experience of ethno-political research”, published in Rostov-on-Don in 2017. The author examines the topics and chapters of the studied by N.N. Lysenko problem. The article shows affected in the specified monograph of the topic, points to the artificiality and tension of some of the conclusions invalid problem message, and layered around him often artificial contradictions. It is pointed out that the author of the monograph, using interesting and, of course, original documents and materials, politicized the monograph, which affected its scientific nature.

Keywords: Cossacks, repressions, the great Russians, the Ukrainians, the genocide, “Holodomor”.

Venkov Andrey V., Doctor of Science (History), Professor, Head of Cossacks Laboratory, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 41, Pr. Chekhova, Rostov-on-Don, 344006 Russia; Professor, Institute of History and International Relations of Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, andrey_venk@rambler.ru.

Перед нами монография Н.Н. Лысенко «Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования» (Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 2017. 636 с.).

В верхней части обложки – атакующие в конном строю кубанцы, в нижней – гора трупов. Всё это покрывает перевернутая красная звезда – символ сатанизма. На последней странице – цветной портрет автора в черкеске. Автор – доктор исторических наук, депутат Государственной думы РФ первого созыва (1993–1996 гг.).

Аннотация гласит: «В монографии рассматривается концепция преднамеренной насильственной аннигиляции казаков как самобытного этноса (этнокультурного сообщества) в период становления государственной системы РСФСР и СССР в 1918–1933 гг. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексной оценки различных технологий государственного подавления и террора (демоцид, этноцид, культуроцид и т.д.), осуществленных против казачьего населения Юга и Востока России карательными органами Советского государства. Подробно рассматриваются международно-правовые аспекты квалификации геноцида казаков как события преступления против человечества. Исследование основано на традиционной методологии анализа и сопоставления сведений обширного корпуса документов из государственных архивов Российской Федерации, историографической литературы, свидетельских и мемуарных материалов. Издание адресовано специалистам в области отечественной истории, политологии и международного права, а также широкому кругу читателей, заинтересованных в постижении этнополитических аспектов российской истории первой трети XX в.» (с. 2).

Изучив монографию, утверждаешься в мысли, что история остается самой политизированной наукой в России, а сам процесс чтения вызывает ощущение участия в каком-то трагифарсе. Приводятся ужасающие факты и документы, но сопровождающие их комментарии и выводы вызывают, мягко говоря, удивление.

Начинается монография разделом **«Казацкая память о геноциде: вместо предисловия»¹**.

Четких разделов, посвященных историографии вопроса и используемого корпуса источников, нет. Автор мотивирует это отсутствием соответствующих исследований. Однако чуть позже ссылается на работу В.П. Трута «Истребить поголовно. Как организовать рассказывание», опубликованную в журнале «Родина» в 2004 г. [Трут, 2004]. И в указанном разделе и далее рассматриваются работы тех исследователей, кто давал оценку события, схожую с авторской. В частности часто цитируется исследователь С.А. Кислицын, который писал об «антиказачьем терроре на грани геноцида».

Оценка трудов предшественников у автора своеобразная. Так, он делает замечание М.А. Рыбловой, признанному специалисту-этнографу, что она в своих

¹ Вообще-то самим казакам не свойственно употреблять прилагательное «казачий». Всегда говорили и говорят «казачий», «казачья».

исследованиях не заметила «классических трудов» И.А. Билого (инженера) и Ис.Ф. Быкадорова (генерала) (с. 15). В свое время проклинаяемая автором советская власть делала ставку не на ученых, а на «народных умельцев». Ну а далее что-то из постмодерна: «Стремление к научной объективности не противоречит, на наш взгляд, неотъемлемому праву казаков иметь собственное мнение о тех или иных событиях своей национальной истории» (с. 18).

Анализ источников тоже своеобразен. Автор указывает на отсутствие необходимых документов в архивах ВЧК, НКВД (позже в тексте он ссылается на документы из архива ФСБ), но, тем не менее, готов выдвинуть обвинение ведущей спецслужбе СССР и РФ в геноциде населения собственной страны (с. 84). «Можно предположить», что документы о голодоморе преднамеренно уничтожены, считает он (с. 84). Однако «отсутствие документальных свидетельств о замысле преступления геноцида... не предполагает освобождения от ответственности за содеянное» (с. 456).

Цель исследования также отличается своеобразностью – показать и доказать, «что геноцид казаков в период 1918–1933 гг. был именно геноцидом» (с. 51). А еще автор мечтает, что «на новом процессе Международного трибунала по расследованию преступления геноцида казаков (назовем его “Новочеркасским процессом”) обязательно будет предъявлен и максимально документированный в событийном и хронологическом аспектах (прокурорский) список актов геноцида казацкого населения, совершенных административно-карательной машиной режима РКП (б) – ВКП (б)» (с. 17).

«Международный трибунал»... А кого он судить будет? Далее, уже в последующих главах, автор ненавязчиво напоминает, что Российская Федерация в качестве субъекта-правопреемника СССР отвечает и за проводимую в СССР политику (с. 100). Логика должна подсказать читателю, что в Новочеркасске Международный трибунал будет судить Российскую Федерацию.

Рассматривать монографию по главам трудно. Автор одни и те же проблемы начинает рассматривать в одной главе, потом прерывается, возвращается к ним в другой, и так по всему тексту.

Для того чтобы имел место геноцид, автору нужен, естественно, подвергшийся геноциду народ. К этой проблеме он обращается и в своем своеобразном предисловии, и в первой главе **«Казаки: самобытный народ или русское сословие?»**.

Н.Н. Лысенко напоминает, что в государственных документах РФ казаки признаны **«исторически сложившейся культурно-этнической общностью людей»**. А «геноцид» – **«действия, совершенные (или совершаемые) с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую, религиозную или иную сложившуюся группу людей»**, поэтому «проблема применимости понятия “геноцид” к целенаправленной антиказацкой политике большевиков в период 1918–1933 гг. отпадает сама собой» (с. 23).

Автор считает, что казаки это этнос, имеющий свои субэтнические уровни – Донское, Терское, Уральское и Кубанское казачьи Войска. Остальные казаки «отличались значительной степенью русификации» (с. 18). Но уже на следующей странице в качестве примера казачьих субэтносов приводятся донские и уральские казаки и казаки Черноморского войска (с. 19) (в конце XIX века уже не существующего). И представители казачьего этноса обладали «с середины XV века самобытной историко-культурной традицией» (с. 18).

Ясно, чтобы сложилась историко-культурная традиция, надо еще несколько веков...

Далее ради применения термина «геноцид», автор хочет «продолжить дискуссию о природе казацкой этничности» (с. 24). Но здесь же априори заявляет: «уничтожение казацкого населения бывшей Российской империи ... являлось геноцидом с любой точки зрения» (с. 24).

Для подтверждения своей версии автор вводит параграф **«Русские историки-энциклопедисты о происхождении казацкой этничности»**.

«Великорусского ядра при первичном формировании казацкого этносоциума, судя по Татищеву, не просматривалось» (с. 25). Далее в качестве свидетелей привлекаются В.Д. Сухоруков, Н.М. Карамзин, Е.П. Савельев (последний предков казаков, «асов», по древности происхождения сравнивал с троянцами). И – железное логическое построение – поскольку казаки не считали себя русскими, то и сношения России с ними шли через Посольский приказ. Вывод: «Казаки и великорусы – это совершенно разные, подчас некомплементарные друг другу народы» (с. 38).

Думается, нет необходимости объяснять, когда и почему Россия вела сношения с казаками через Посольский приказ, и напоминать, что беглый сподвижник Мазепы Орлик заключал со шведами договоры от имени «русского государства» и стремился пристроить в Европе на учебу «русское юношество».

В 2016 г. в журнале «Генетика» вышла статья «Программа HAPLOMATCH для сравнения STR-гаплотипов Y-хромосомы и ее применение к вопросу происхождения донских казаков». Там сказано: «По спектру STR-аплотипов обнаружена генетическая близость казаков с восточнославянскими популяциями (в частности, с южными русскими, русскими Центральных регионов России и украинцами)... Также обнаружено небольшое генетическое влияние ногайцев...» [Чухряева и др., 2016, с. 595].

Увы, донские казаки как субэтнос сложились довольно поздно, и в их песенной культуре нет упоминаний о событиях, случившихся ранее взятия Казани в 1552 г. В районе проведения описанного выше эксперимента часто встречаются фамилии Голицыны, Колычевы, Глазуновы, Бутурлины. А олень в европейской геральдике – символ благородства. Да и фраза «Нам потная работа не в обычай» многое означает.

Что касается Кубани, то туда украинцев (отнодь не потомков запорожцев) слали до середины XIX в., и, одновременно, туда же и тогда же по жребии слали донских казаков, так что там скорее субэтническое деление на «линейцев» и «черноморцев».

Читая главу 2 «**“Расказачивание” казаков: факты этнополитики против пропаганды и лжи**», поневоле теряешься в догадках: либо автор банально не знает фактов, либо их сознательно искажает.

Дается абсолютно достоверный тезис: «Казакки постепенно проигрывали экономическое соревнование с окружающим русским крестьянским населением» (с. 62). Но почему проигрывали?

Расказачивание, оказывается, шло давно. Казакки лишились части своей земли. Земли были отобраны у казаков Романовыми «силой оружия» (с. 55). Естественно, имели место тяготы службы. Описав систему службы, введенную после 1875 г., – 4 года в армии, остальные 4 года служили по 5 недель в году, а дальше могли жить дома, но в боевой готовности, автор делает вывод: «Лучшую часть своей жизни – в плане физического здоровья и деловой активности – казакки проводили в походных лагерях и казармах» (с. 56). Было такое? Было, но до 1875 г., когда из 25 лет службы казакки 12–13 лет гарантировано проводили на полевой службе.

Автор повествует о политике «русификации» казаков при Александре III и Николае II (с. 60–61), указывает, что на Дону иногородние составляли 57,2 % (реально 22 %), на Первую мировую войну было призвано 67,5 % мужчин-казаков, «многие из которых погибли и стали инвалидами» (с. 63) (на Дону из 700 тысяч – 117 тысяч). И следует вывод: «Сословное расказачивание стало бы благом, а отнодь не трагедией». (с. 64). Да, но сословность предполагает не только повинности, но и привилегии. А как без привилегий, без войскового хозяйства выиграть «экономическое соревнование с окружающим русским крестьянским населением», если земледелие у казаков на Дону в массовом порядке появилось лишь в XIX в., а до 1699 г. пахавших землю «в воду сажали»? Да и не было это «окружающее крестьянское население» русским. Пришедшие из России иногородние земли не имели, а имели ее бывшие крепостные донских помещиков, бежавшие из Малороссии украинцы.

В конечном итоге расказачивание провело Временное правительство, оно упразднило сословные повинности и льготы (с. 70). Странно, конечно. Казакки – народ. В списке сословий автор их в полемическом задоре не нашел. А расказачивание, оказывается, – упразднение сословности. Ладно, это мелочи.

Далее следует глава 3 «**Государственный террор: формы и этапы геноцида народа казаков**».

Определяется главный враг казаков. Это Россия. «У России страшное лидерство по изуверской жестокости по отношению к своему народу». (с. 71). А современная Россия это «многомиллионный массив “советоидов”», «необольшевицкий ренессанс», «этнополитическая инфантильность русскоязычного населения» и

безрезультатные попытки «обустройства России в форме современного национального государства». И далее по всему тексту «советоидная Росфедерация» (с. 82) и «русскоязычные “советоиды”» (с. 83).

В главе 4 **«На наковальне Советов под молотом иногородних: этнополитические противоречия на землях Присуда»** автор пишет, что Московская Русь выступала «в роли на редкость малоуспешного государства». И если бы не немцы, украинцы и казаки... В общем – забытый и некультурный народ. «Русская культура высших слоев общества, которая изначально являлась, в лучшем случае, эпигоном, вторичной копией с культуры западноевропейских наций, продолжала и в первое десятилетие XX века пребывать приблизительно в том же качестве» (с. 113). Ладно, мы, слава Богу, живем в свободной стране, и каждый волен плести о Пушкине, Толстом и Бунине всё то, что не всегда и в голову взбредет. Впрочем, к Толстому автор всё же обращается и цитирует повесть «Казачья»: «русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо» (с. 137).

Русские якобы враждовали с казаками всегда, но Пётр I проводил репрессии, а не геноцид. Он не имел целью уничтожить казачество и не перешел «тонкую грань», отделяет государственные репрессии от преступного явления – геноцида (вообще-то при Петре I на Дону народа выбили больше, чем в живых оставили).

Горькую чашу «Московия поднесла казакам запорожской Сечи» (с. 81) (они перешли на сторону Карла XII, а Меншиков выбил их с территории Малороссии на турецкую территорию).

Проводимая против казаков политика имеет «особо негативный оттенок, по крайней мере, для исторического реноме России» (с. 69). Эту политику автор сравнивает с уничтожением индейцев в США, геноцидом армян в Турции и Холокостом (с. 95). Так же упоминаются Катынское дело и «чудовищное уничтожение миллионов украинцев» – геноцид украинского народа (с. 201).

«Казачья уничтожалась режимом РКП (б) – ВКП (б) прежде всего потому, что они являлись казаками» (с. 95). «Аналогичные выводы были сделаны, по-видимому, также в отношении вайнахов (чеченцев и ингушей) и украинцев...» (с. 95). Украинцам большевики устроили голодомор, а чеченцев «при первом удобном предлоге» депортировали (с. 96).

Концепция гражданской войны на Дону и в других казачьих областях заимствована автором у ушедших в эмиграцию казачьих генералов: казаки воевали с Россией.

Автор цитирует генерала Ис.Ф. Быкадорова и И.В. Сталина и находит, что они едины во мнении, что казаки воюют против русских. Он подтверждает выводы Краснова о национально-освободительной борьбе казаков и мнение большевика С. Васильченко, что на Дону – не классовая борьба, а бытовой антагонизм между казаками и крестьянами. И очень к месту приводятся разговоры крестьян «о поголовном истреблении казаков» (с. 212).

«Русифицированные украинцы, вместе с волевыми еврейскими комиссарами и “железными” латышскими стрелками, являлись мозгом и нервами Красной армии», пушечным мясом стали в этой борьбе иногородние. (с. 134). Интересна роль живущих на Дону украинцев. Украинцы встали на сторону Красной армии «высокое качество командного состава... обеспечили именно “хохлы”» (с. 133). Ими, как считает автор, велась этническая война с казаками (с. 133–134).

И поражение казаки потерпели по двум причинам: по нежеланию белых согласиться на автономию казаков и по желанию офицеров сохранить национальную Россию (с. 157). Да, именно так считали ушедшие за кордон казачьи генералы. От себя автор добавил: у казаков в борьбе было две преграды – много неказачьих на территории области и русификация казачьей элиты.

Был ли выход? Можно ли было победить большевиков?

В главе 5 **«Накануне геноцида: роковой жребий атамана Каледина»** дается, как ни странно, положительный ответ.

Достаточно привести названия параграфов этой главы: **««Русский путь» генерала Алексея Каледина», «Исчерпанность геополитического проекта «Национальная Россия», «Фатальная этнополитическая ошибка Донского правительства Каледина», «Потерянный шанс на создание этнополитического союза казаков с коренным крестьянством Присуда».**

Автор считает, что большевики не были сначала настроены антиказачьи. «Иррационально кровожадным... был, по-видимому, только Владимир Ленин» (с. 160). Л. Троцкий был готов, «по-видимому», на заключение политической сделки с казачеством (с. 162).

Но договариваются только с сильным. А атаман Каледин упустил время (6 месяцев), не подтянул войска, и в момент Октябрьского переворота на Дону ситуация была как в Феврале.

И тут автор приводит пример Украины, которая создала Центральную Раду, стала разрабатывать идеологию и украинизировать армию. В итоге даже в Советском Союзе была сохранена возможность «ускоренного формирования украинской нации» (с. 164).

На самом деле еще в марте 1917 г. на Дон были отведены с фронта 3 дивизии казаков, а к концу 1917 г., когда 25 тысяч бойцов Красной гвардии вторглись на донскую территорию, там было до 50 тысяч казаков, сведенных в полки и дивизии.

«Решительные действия по обеспечению реального суверенитета Войска Донского получили бы несомненную массовую поддержку казачества Присуда», – считает автор (с. 186). А вот союз Каледина с белыми – извращение борьбы. Из-за этого у большевиков появился повод объявить Дон русской Вандеей (с. 189).

О каких «решительных действиях» можно мечтать, когда черноморский морской десант высадился в Ростове в ноябре 1917 г., а казачьи полки отказывались воевать? И первые дни, пока Войсковой Круг не надавил на казаков, с красногвардейцами воевали именно «белые», «алексеевцы».

Не с белыми надо было Каледину объединяться, считает автор, а с коренными украиноязычными крестьянами, которых на Дону было 980 тысяч (с. 192). Надо было оказачить донских украинцев. «О казачьем статусе мечтали многие поколения украинских переселенцев на Дон» (с. 193).

Интересно, то они с казаками ведут «этническую» войну и составляют «мозг и нерв» Красной армии, то мечтают о казачьем статусе. Впрочем, была такая попытка. А.М. Каледин сформировал «паритетное» правительство – 7 от казаков, 7 от неказаков и 15-й атаман. Хоть один украинский крестьянин пошел тогда с большевиками воевать?

Вот эта идея об объединении казаков и украинцев и будет тянуться через всю монографию.

Глава 6 «**Уничтожить казачество»: массовый демоцид казаков 1918–1922 гг.**» содержит в себе параграф «**Миф о “еврейской доминанте” в зверствах большевиков**».

В нем мы довольно неожиданно встречаем пассажи, что выселение казаками иногородних – «ни в коей мере не является этнической чисткой», поскольку решение о выселении затягивалось на месяцы (с. 229). И еще – бездарность Деникина спасла Царицын от захвата его Донской армией (с. 231). В конце мая 1918 г. Краснов рекомендовал Деникину наступать на Царицын, но Деникин не желал усиливать позиции Колчака.

Что ж, историю гражданской войны автор знает очень плохо. Деникин мог бы, конечно, двинуться в мае 1918 г. на Царицын с 2 тысячами измотанных «Ледовым походом» бойцов, но Колчак более или менее утвердился у власти в Сибири только через полгода после предполагаемого похода, в ноябре 1918 г., в мае 1918 г. о Колчаке Деникин и не слышал.

Но не в этом дело. Главная мысль параграфа: требовали расправляться с казаками большевики «славянского происхождения», а «именно с еврейской стороны большевистской партийной пирамиды раздавались голоса, настойчиво требовавшие обуздать разгул массового антиказацкого террора» (с. 236). Правда, позже автор забывается и приводит высказывание И. Рейнгольда: «Кзаков, по крайней мере, огромную их часть, надо рано или поздно уничтожить, просто истребить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и всякое заигрывание...» (с. 268).

Во главе антиказачьей политики стояли С.И. Сырцов и А. Френкель, но им, как считает автор, придавали «интеллектуально серых и безвольных «кивал» из числа

великорусов» (с. 232). В число «кивал» автор почему-то записывает П.Г. Блохина, который на самом деле был Свердлин Григорий Иосифович. Персоналии надо знать.

Не знает автор и персоналии красных казаков, которых он называет «казацкими этническими коллаборантами». Так, Виктор Семенович Ковалев, председатель Донского ЦИК назван бывшим сотником лейб-Атаманского полка (с. 237). На самом деле он был нестроевым, кузнецом в этом полку.

Повторяется застарелый миф: «Решение о ликвидации Миронова принял лично Л. Троцкий» (с. 240). Меж тем в реабилитационных документах четко названо постановление коллегии ВЧК.

Смягчается сердце автора, когда он пишет о И.А. Кочубее и И.Л. Сорокине, хоть и «краснопузые», «коллаборанты», но свои, кубанцы. «Не было в крае более популярной личности, чем Кочубей» (с. 240).

И далее автор переходит непосредственно к 1919 году. Параграф **«Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. о поголовном истреблении казачества»** начинается с сомнений Н.Н. Лысенко в авторстве Я.М. Свердлова. Может быть, и не он составлял это циркулярное письмо (директиву). Хотя возглавлял Оргбюро именно Я.М. Свердлов, а в сентябре 1918 г. именно Свердлов подписал декрет о красном терроре, причем в декрете о красном терроре и в указанной Директиве есть текстуальные совпадения.

В главе приводятся страшные по своей сути документы (хотя и не новые, все они давно известны). Достаточно перечислить названия параграфов главы: **«Геноцид казаков в зоне оккупации войск РККА в 1919 г.»**, **«Ставка на геноцид: генеральная линия “казачьей” политики РКП (б)»**, **«Официальное признание казаков “русскими” и конец иллюзий о “советской автономии казаков”»**, **«Государственный террор, система заложничества и концлагеря на Кубани: 1920–1922 гг.»**, **«Этнические чистки и депортации казаков Терского Войска: 1920–1921 гг.»**.

На последнем параграфе надо остановиться особо. Вся политика России на Кавказе в XVIII–XIX вв. это «изначально преступный» план внедрения казацких этнических поселений на родовые земли горских народов (с. 337). Пусть так. С проклятого царизма какой спрос. Интересно другое. В описании выселения терских казаков из их станиц встречается словосочетание «вооруженные до зубов вайнахские банды» (с. 344). И сразу автор делает сноску, что «он имеет в виду именно банды грабителей и насильников вайнахского происхождения. Оккупационный режим РКП(б) рекрутировал в свои союзники прежде всего бандитов, но никак не ингушский или чеченский народы» (с. 344).

И только русский народ – «разнузданная чернь Великороссии», «распропагандированное крестьянское мужичье» (с. 17) – обходится без всяких сносок.

Однако этническая составляющая вопроса всё еще «цепляет» автора: «Жить или умереть казакам решали грузины Г.К. Орджоникидзе и В.М. Квирикелия, армянин А.И. Микоян, поляк С.В. Косиор (позже, в 1932–1933 гг., устроивший голодомор в Украине), великорусы С.М. Киров и И.Я. Врачев» (с. 349).

Глава завершается параграфами: **«Особенности демоцида казачьего населения Алтая и Восточной Сибири в период завершения гражданской войны», «Демографическая катастрофа казачьего народа как результат государственной политики РСФСР 1918–1922 гг.»**.

Потери, понесенные казаками во время войны, автор подсчитывает не сам, а ссылается на предшественников: по А.П. Кожанову – 200 тысяч, по А.В. Баранову – до 500 тысяч, И. Билый насчитал 980 тысяч, а кубанский краевед Анатолий Орлов 12 50 тысяч. «Известная латинская максима советует в случае значительной разницы в оценках, признать достоверной ту, что находится посредине», – пишет автор и находит... «более миллиона» (с. 372).

Позже, через целую главу, он вновь возвращается к статистике потерь в гражданской войне – 34,4 % казачьего населения и 17,4 % общее для Северо-Кавказского Края (с. 451).

Откуда же такие огромные потери? Неужели чекисты настреляли? И вооруженные, подготовленные казаки позволяли резать себя как баранов?

Нет. В первую очередь это военные потери и потери мирного населения от испанки и тифа. В начале 1919 г. в результате массовых расстрелов в Верхне-Донском округе погибло 600 человек. Казаки не выдержали и восстали. Они перебили 8 тысяч красноармейцев и потеряли сами 7 тысяч. Соотношение более чем 1 к 10. Имея огромную нужду в боеприпасах весь 1919 год, практически не имея их, они «восстановили кавалерийские побоища большого стиля» и несли огромные потери от красной артиллерии и пулеметов.

А война и впрямь велась предельно жестокая. И.О. Тюменцев считает, что гражданская война 1918–1922 гг. была классической крестьянской войной [Тюменцев, 2017, с. 15]. А крестьянская война предполагает соответствующий уровень политической культуры. Вспомним, как призывал Е.И. Пугачёв убивать дворян «и жен их и детей их». Сам автор приводит данные, что расстрелы на Кубани проводили не органы ВЧК, а 9-я армия, командующий которой сам был из казаков (с. 88). И казаки пленных красных рубили. Казаков грабили, и казаки грабили. Достаточно вспомнить жалобы Врангеля и Деникина на казаков Мамонтова.

Но поскольку красноармейцы, расстреливающие казаков, по национальности русские (интересно, как это выявили?), то, по мнению автора, «описана процедура **этнической чистки** в самом точном значении этого термина» (с. 93).

Впрочем, демографические потери были довольно быстро восстановлены...

Ближе к концу монографии, в главе 8, автор вдруг обнаруживает, что к концу 20-х годов численность казаков восстановилась (это показали в своих исследованиях А.В. Баранов и А.П. Кожанов). «Этот вывод исследователя, на наш взгляд, является избыточно оптимистичным», пишет автор, имея в виду А.В. Баранова (с. 452). Еще бы, оказывается с последствиями «геноцида» казаки справились менее чем за 10 лет.

Всё просто. Если внимательно посмотреть расчеты А.П. Кожанова, то видно – половина мужского населения это дети и подростки до 16 лет. Быстро нарожали... И немудрено, за XIX век казачье население выросло в 5 раз. Чего ж в 20-е годы не расти?

Как видим, геноцида пока не получилось. Но автор не теряет надежды.

Глава 7 «**“Национальность мешает советизации”: этноцид казацкого народа 1922–1928 гг.**» начинается экскурсом в прошлое. Автор опять обращается к материалу 1919 г. Всплывают 1000 изнасилованных молодых женщин в ст. Вёшенской – плод фантазий летчика капитана Веселовского, прилетавшего к повстанцам в 1919 г. Кто и когда их насиловал, если Вёшенскую большевики тогда так и не смогли занять? Рассматривается резолюция Донбюро от 8 апреля 1919 г., утвержденная впоследствии членом политбюро Н. Крестинским и ставшая руководящим политическим документом. Там действительно требовалась «формальная ликвидация казачества». Но почему автор обратился к этому документу так поздно и в таком контексте?

Параграфы главы звучат зловецце. **«Идеологическая подготовка режима РКП(б) к использованию методик этноцида для уничтожения традиционных ценностей “казацкого мира”». «Уничтожение всех основ традиционной казачьей культуры: важная этнополитическая задача Советского режима на Юге России во 2-й половине 1920-х гг.» «Экономические меры Советского режима по подготовке пресупления Голодомора в основных хлебоборodных регионах России и Украины». «На старте “великого перелома”: новый этап повстанческой борьбы казаков с оккупационным режимом ВКП(б) в конце 1920-х гг.».**

Рассматриваются уничтожение реэмигрантов, ломка казачьего быта, ограничения по выборам, прогрессивный налог, ножницы цен.

Но вот в области сохранения казачьей культуры была достигнута некая победа (правда, автор вспоминает о ней, когда описывает события 1932–1933 гг.) – в школах вводилось «преподавание на украинском языке (диалект казачьей балачки)» (с. 450).

Ну, если украинский язык действительно является диалектом загадочной «казачьей балачки», то это величайшее открытие в области языкознания.

Автор указывает, что в 1928 г. имели место 289 выступлений казаков против власти на Северном Кавказе, было совершено 183 теракта (с. 433).

И, тем не менее, в 1928 г. на территории современной Ростовской области органами ОГПУ не было расстреляно ни одного человека [На страже Отечества ... 1998, с. 80].

Автор считает, что назревала новая волна казачьего сопротивления, была создана «пятая колонна». «Демографический масштаб этой славянской “пятой колонны” (с учетом населения Украины) исчислялся миллионами людей» (с. 436).

Глава 8 **«Убийство голодом: голодомор казаков 1932–1933 гг.»** описывает столкновение власти с этой «пятой колонной».

Власти опасались вспышки борьбы украинцев за национальную государственность, считали кубанцев естественными союзниками украинских националистов (с. 453). Там, на Кубани, было больше протестных движений, чем на Дону. В результате последовал «превентивный ответ Политбюро на неизбежный этнополитический вызов казацко-украинского сообщества» (с. 454). И целью его была «ликвидация потенциальной угрозы возникновения единого казацко-украинского повстанческого фронта, выходящего своими тылами на юго-западные и западные границы СССР» (с. 564).

Параграф **«Этнополитическая специфика Голодомора 1932–1933 гг.»** показывает, что погибли преимущественно украинцы – 5 млн из 7–8 млн общих жертв голода (с. 447). 1 млн потеряли Кубань и частично Дон и 1 млн вся остальная территория СССР. Автор делает вывод об «отчетливо выраженной казацко-украинской направленности» этой политики (с. 448).

В параграфе **«Миф о непредумышленном, ситуационно возникшем летальном голоде»** автор обращается к авторитету специальной Комиссии Конгресса США, созданной в 1986 г. В апреле 1988 г. выводы комиссии Джеймса Мейса прозвучали. В них «искусственно вызванный голод на Украине и Северном Кавказе был впервые квалифицирован как геноцид» (с. 460). «Таким образом, объективный анализ этнополитической специфики Голодомора не оставляет сомнений...» (с. 460). Понятно. Раз американцы сказали, то так оно и было.

Однако когда британский исследователь Роберт Дэвис показал, что в феврале – июне 1933 г. помощь, посылаемая властью на Северный Кавказ и в УССР голодающим и на посев, в 5 раз больше, чем в другие голодающие регионы (с. 463), автор объявил, что это было проявление цинизма власти, поскольку голодающие к тому времени уже умерли, а силы казачества уже были подорваны (с. 464).

Автор всё же пытается найти причины голода и в этих поисках возвращается к марту 1930 года, когда на Северном Кавказе раскулачили 40 тысяч хозяйств, вывезли 120 356 человек (с. 481), когда потери в животноводстве стали сопоставимы с его будущими потерями в годы Великой Отечественной войны. Автор применяет

термин «падеж скота» (с. 491), хотя большую часть его хозяева банально порезали, чтоб не сдавать в колхоз.

Жаль только, что, исследуя голод на Кубани, автор не обратил внимания на опыт Южной Украины, где в период НЭПа невиданно увеличились площади, засеянные подсолнухом. Прибыль была огромной, вот только земля после сбора подсолнуха несколько лет не дает урожая.

Автору, бесспорно, удалось показать процесс скатывания к голоду. Он описан в письме М.А. Шолохова к И.В. Сталину. Казаки, попав в колхозы, естественно не желали работать «на дядю», ждали, когда хлеб после дождей начнет преть: власть такой не заберет, а они и подопревший поедят (с. 499). Увы, власть забрала столько, сколько считала нужным. А местные коммунисты продавали на колхозных собраниях решения оставлять в колхозе лишь 15 % собранного урожая, о чем с гордостью писал соратник М.А. Шолохова Луговой в своих мемуарах «С кровью и потом».

Автор считает, что на Кубани «казацкое сопротивление» имело системный характер (с. 510). В качестве примера приводится восстание в Тихорецкой в 1932 г. (с. 516), но, к сожалению, документальных источников по этому событию нет. Автор обращается только к эмигрантскому «Вольному казачеству» и к вышедшей в США книге воспоминаний Александра Орлова, беглого чекиста.

Параграф **«Система “черных досок”: технология изощренного геноцида»** содержит материалы и документы, от которых кровь стынет в жилах. Дополнительно приводятся примеры о людоедстве на Украине.

Материал, безусловно, страшный, очень страшный. Но дьявол, как говорится, водится в деталях. И когда автор пишет, что была выселена «одна из старейших донских станиц – Боковская» (с. 522), а я знаю, что она создана в 1917 г., то невозможно избавиться от ощущения, что автор специально давит, нагнетает, бьет по моим казачьим протестным чувствам.

Выводы автора соответствующие. Советский режим развалил всё – вплоть до семейных взаимоотношений и традиционной народной нравственности (с. 487). После голодомора «казаков как демографически динамичного, территориально консолидированного и экономически самодостаточного народа, по существу, не стало» (с. 107). «Ранее цветущий, подчеркнута мускулиный, уверенный в себе, жизнерадостный казацкий народ превратился в свою противоположность» (с. 567–568). На территории казаков пришлым крестьянам перед войной стали прививать казачьи традиции (с. 108). Элементы косвенного геноцида сохраняются и сегодня (с. 108).

Ну, насчет превращения казаков в свою противоположность – извините. По количеству Героев Советского Союза Ростовская область была на втором месте в СССР.

В «**Заключении**» автор опять обращается к идее Международного уголовного суда. «Новочеркасский международный трибунал» должен «предать остракизму память» всех врагов казачества. И вообще необходимо «полное очищение российской идеологии и государственного бытия от всех смердящих отложений идеологии большевизма» (с. 607), т.е. декоммунизация, то, что происходит сейчас на Украине и в Польше. А беда России в том, что страна не может преодолеть мифологем интернационализма «фактически антирусских и антиславянских» (с. 608). То есть русским надо бы официально объявить себя главным народом...

Ну, насчет «Новочеркасского международного трибунала» автор замечтался. В 1990 г. на Первом Донском Круге казаки приняли резолюцию об окончании гражданской войны на Дону, а в Новочеркасске за Войсковым Собором теперь памятник примирению белых и красных казаков. А что касается кубанцев, то они первыми в 2014 г. высадились на крымский берег, перекрыли Перекопский перешеек и остановили «поезда дружбы» украинских националистов, фактически спасли жителей Крыма от резни.

В целом, очень тяжелая книга. Смысл ее следующий – казаки были древним отдельным народом, русские их погубили, естественными союзниками казаков были украинцы, вот и уцелевшим казакам надо об этом подумать.

Материала очень много, и (повторюсь) материал страшный. Расположен он сумбурно, с повторами, с выводами априори. Методика обработки материала тоже ясна. Например, автор знает, что в начале 1919 г. 28-й Верхне-Донской казачий полк выступил против Краснова, об этом событии много написано. Но на руках у него резолюция Казанского казачьего полка с приветствием Ленину. Автор смело пишет, что 28-й полк был сформирован «в основном из уроженцев станицы Казанской» (с. 249) и тут же дает резолюцию 29-го Казанского полка. А в 28-м полку уроженцы Казанской в реальности составляли 1/6 часть. И так очень часто.

Бесспорно, события революции, гражданской войны, коллективизации и голода были для казаков трагическими и стоили огромных, неисчислимых потерь. Но казаки не исчезли. В 1990 г. их представители показали, что они помнят свою историю и являются носителями своей неповторимой культуры. На Первом съезде казаков в Москве организованнее всех была кубанская делегация, явившаяся туда в форме Собственного Его Величества конвоя.

Трагические страницы истории казачества необходимо исследовать и помнить о них, а если писать об этих трагических страницах, то делать это с большим тактом, не превращать исследование в полигон для антирусского глумления.

Складывается впечатление, что эта монография готовилась к публикации где-нибудь на Украине, но волею судеб была опубликована в Ростове-на-Дону.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

На страже Отечества: Документы, воспоминания, очерки, посвященные 80-летию Управления Федеральной службы безопасности России по Ростовской области. Ростов н/Д.: Юг, 1998. 284 с.

Трут В.П. Истребить поголовно. Как организовать расказачивание // *Родина*. 2004. № 5. С. 95–97.

Тюменцев И.О. Социально-экономическая природа русской Смуты начала XVII столетия: к вопросу о незаконченной дискуссии о крестьянских войнах в России // *Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.)*. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 9–18.

Чухряева М.И., Иванов И.О., Фролова С.А., Кошель С.М., Утевская О.М., Схаляхо Р.А., Агджоян А.Т., Богунов Ю.В., Балановская Е.В., Балановский О.П. Программа HAPLOMATCH для сравнения STR-гаплотипов Y-хромосомы и ее применение к вопросу происхождения донских казаков // *Генетика*. 2016. Т. 52. № 5. С. 595.

REFERENCES

Na strazhe Otechestva: Dokumenty, vospominaniya, ocherki, posvyashchennyye 80-letiyu Upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossii po Rostovskoy oblasti [On guard of the Fatherland: Documents, memoirs, essays, devoted to the 80th anniversary of the Office of the Federal Security Service of Russia for the Rostov region]. Rostov-on-Don: Yug, 1998. 284 p. (in Russian).

Trut V.P. Istrebit' pogolovno. Kak organizovat' raskazachivanie [Exterminate the polls. How to organize decossackization], in: *Rodina*. 2004. № 5. P. 95–97 (in Russian).

Tyumenцев I.O. Social'no-ehkonomicheskaya priroda russkoj Smuty nachala XVII stoletiya: k voprosu o nezakonchennoj diskussii o krest'yanskih vojnah v Rossii [The Socio-economic nature of the Russian Turmoil of the beginning of the XVII century: return to the question of unfinished discussion about peasant wars in Russia], in: *Kazachestvo Rossii v buntah, smutah i revolyuciyah: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 4–5 oktyabrya 2017 g.)* [Cossacks of Russia in riots, turmoil and revolutions: materials of the Russian Conference (Rostov-on-Don, October 4–5, 2017)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2017. P. 9–18 (in Russian).

Chukhryayeva M.I., Ivanov I.O., Frolova S.A., Koshel' S.M., Utevsкая O.M., Skhalyakho R.A., Agdzhoyan A.T., Bogunov YU.V., Balanovskaya Ye.V., Balanovskiy O.P. Programma HAPLOMATCH dlya sravneniya STR-gaplotipov Y-khromosomy i yeye primeneniye k voprosu proiskhozhdeniya donsikh kazakov [The HAPLOMATCH program for comparing the STR-haplotypes of the Y-chromosome and its application to the issue of the origin of the Don Cossacks], in: *Genetika*. 2016. Vol. 52. № 5. P. 595 (in Russian).